

К. Бальмонт

Рыцарь девушки-женщины

Бальмонт К. Избранное: Стихотворения. Переводы. Статьи. / Сост., вступ. ст. и коммент. Д. Г. Макогоненко

М., "Правда", 1990

[OCR Бычков М. Н.](#)

От любимой женщины, в сладкую минуту, кудесник русской поэзии получил на память талисман.

Там, где море вечно плещет
На пустынные скалы,
Где луна теплее блещет
В сладкий час вечерней мглы.

От графини Воронцовой, вызвавшей к жизни несколько прекраснейших страниц русской поэзии, Пушкин получил в дар заветный перстень с восточными письменами. Когда Пушкин был убит, Жуковский снял этот перстень с остывшей руки волшебника, и в свой час он достался Тургеневу, и в свой час от лучшего чарователя русской художественной прозы этот перстень достался Полине Виардо, любимой женщине. От женщины -- к поэту и от поэта -- к женщине, круг завершился. Восточные письмена талисмана осуществили свою ворожбу не напрасно.

Слово о Тургеневе должно начинаться нежным женским именем и золотым именем Пушкина. Женщина была основным верховным божеством всего его творчества, а если создатель русского стиха Пушкин был первым поэтом, превратившим русские слова в крылья бабочек и крылья птиц и заставившим размерные русские строки сверкать золотом и звенеть серебром, Тургенев был первым поэтом русской прозы, равного которому доныне еще не было, -- он воспринял все пушкинское золото и сковал серебряные звоны еще более певучие, он был не только учеником Пушкина, но и его родным братом, его равноправным наследником, и путь от Пушкина к утонченной и нежной поэзии наших дней идет не столько через Лермонтова и Некрасова, не столько даже через строго-ночного Тютчева и звездно-заревую Фета, сколько именно через Тургенева, воспитавшего наш язык, нашу многопесную мечтательность, научившего нас понимать через красивую любовь, что лучшая и самая верная сущность, благовеющая в художественном творчестве, есть Девушка-Женщина.

Волшебное чарование, связавшее колдовским побратимством Пушкина и Тургенева, сказывается не только в том, что они являются двумя самыми лучезарными русскими писателями 19-го века, определившими своим широким и глубоким влиянием судьбы русской прозы и русского стиха, но и в том еще, что между судьбой и личностью Пушкина и судьбой и личностью Тургенева существуют поразительные общности и сходства.

Пушкин был наполовину африканец, наполовину славянин, ариец. Тургенев был наполовину монгол, наполовину славянин, ариец. Но какой русский, какой отлчительно русский и тот и другой! Из всех наших поэтов Пушкин -- самый русский, наиболее постигающий свойства русского языка и судеб России. Из всех наших прозаиков Тургенев -- самый русский, великорусский, писатель, лучше других постигший серебряный речной разлив родной нашей речи и лучше всех других понявший основные черты нашего народа и прихотливый ход нашей истории.

Главенствующее свойство африканца -- пламенность, будь это солнечная пламенность египтянина, возлюбившего солнце, как отца и бога, или огненная пламенность мавра, жаждущего любви и завоеваний, или подземно-огненная пламенность негра, все чувства которого горячи, как почва около кратера.

Главенствующее свойство монгола -- чувственная страстность, степная тоска и фатализм, судьбинность. Главенствующее свойство арийца -- всемирный огляд, всебожие природы, всечеловечность, и в славянском лике арийство -- есть разметанность судьбы, тоска и песня. Все поименованные черты мы находим в сходных узорах как в жизни и личности Пушкина, так и в жизни и личности Тургенева.

Но и в творчестве Пушкина, и в творчестве Тургенева берет верх ощущение гармонии, которое правит их страстными, разметанными душами, как мудрый дирижер правит многоликим оркестром, не позволяя ни флейте слишком громко рыдать, ни скрипкам затопить всю музыку в созвонных волнах